

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПОЭМЕ ДРАКОНЦИЯ «ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЬ»

Е.Н. ВЕЛИКАНОВА
Е.С. ДАНИЛОВ

*Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

e-mail: velikanova05@mail.ru

e-mail: corax@76.ru

В статье содержится анализ поэмы «Похищение Елены» позднеантичного автора Драконция. Показана трансформация мифологических сюжетов о Елене Троянской. Прослеживается отношение Драконция к своим героям – Елене и Парису. Особенно выделяется традиция оправдания Елены от Стесихора до Дарета Фригийского. Делается вывод о принадлежности Драконция к писателям, которые увидели в поступке Елены и Париса не проявление воли богов, а попрание устоев общества.

Ключевые слова: Карфаген, Драконций, Еврипид, Геродот, мифологическая традиция, Елена Троянская, Парис, Афродита.

Эмилий Блоссий Драконций (ок. 455-505 гг.) был хорошо знаком с произведениями греческих и римских поэтов и писателей, великолепно разбирался в литературных стилях предшествующих столетий, он заимствовал отдельные литературные приемы, например из творчества Статия¹, смело менял структуру известных мифологических сюжетов, подвергая их собственной интерпретации. Драконций – поэт парадоксальный и недооцененный². В его поэтическом наследии сохранились поэмы, как написанные в христианском духе, так и посвященные языческой греко-римской мифологии. Выбор Драконцием тем для своих произведений неслучаен. Как принадлежавшего к римскому миру его не могло не интересовать творчество Вергилия, Сенеки, Овидия, Ювенала и других авторов, ему хорош был знаком, присутствующий в этих произведениях, «языческий менталитет». Поэт оставался верным языческой культуре, мифологическому прошлому Рима³. В то же время, будучи христианином, он понимал общую «неуместность» такой литературы⁴. К поэмам мифологического цикла в творчестве Драконция принадлежат «Медея», «Трагедия Ореста» и «Похищение Елены». Несомненной заслугой этого позднеантичного автора является попытка создать самостоятельное произведение по сюжету о похищении Елены⁵.

Обратившись к хорошо известному в античности мифологическому сюжету, Драконций предложил свое понимание образов Елены и Париса. Главная цель повествования, по авторской установке, будет отличаться от общепринятой, где похищение Елены становится поводом для начала Троянской войны. Основной замысел поэмы Драконций определил как попытку «поведать о похищении преступном, прелюбодействе Париса» (ст. 10-11)⁶. Уже в первых строках автор демонстрирует свое отношение к главному герою. Для него Парис является «вором троянским (ст.1), «гос-

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создание проблемно-ориентированных баз данных» и Госконтракта № 16.740.11.0104 «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование».

¹ О творческом наследии и заимствованиях в поэмах Драконция см.: Hudson-Williams A. Notes on Dracontius // The Classical Quarterly. Vol. 40. No. 3/4 (Jul. – Oct., 1946). P. 92-100; Pavlovskis Z. Statius and the Late Latin Epithalamia // Classical Philology. Vol. 60. No. 3 (Jul., 1965). P. 164-177.

² Hall J.B. Epyllia from Vandal Africa // The Classical Review. New Series. Vol. 40. No. 1. 1990. P. 56.

³ Литовченко Е.В. Классическая традиция в трудах позднеантичных интеллектуалов: кон. IV – нач. VI вв. Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2007. С. 167.

⁴ Ireland St. Dracontius // The Classical Review. New Series. Vol. 47. No. 2. 1997. P. 306.

⁵ Ярхо В.Н. Античный миф на пороге Средневековья: поэмы Драконция // Драконций. Мифологические поэмы / Пер. с лат., вступительная статья, комментарии, приложения и указатель В.Н. Ярхо. М., 2001. С. 5-56.

⁶ Драконций. Похищение Елены // Драконций. Мифологические поэмы / Перевод с лат., вступительная статья, комментарии, приложения и указатель В.Н. Ярхо. М., 2001. С. 122-150.

тем, поправшим права гостеприимца» (ст.4), осквернившим брачный союз (ст.4-5). В соответствии с таким замыслом выстроена и структура поэмы. Хотя произведение и носит название «Похищение Елены», сам сюжет о похищении смещен автором ближе к концу поэмы. Вся глубина нечестивых помыслов Париса достигает своего апогея и раскрывается через действие, т.е. похищение Елены. Предшествующая этому сюжету часть поэмы необходима автору для того, чтобы показать формирование этого преступного замысла. Вкладывая несколько иное содержание в известный миф, Драконций выбирает из него те сюжетные линии, которые в большей степени соответствуют его цели. Мифы о похищении героини в античности были широко распространены – например, похищение Ясоном Медеи. Согласно мифу, сбегавшую с Ясоном Медею преследует Ээт, снарядив корабли и послав своего сына Абсирта с воинами догнать ее. Благодаря третейскому решению царя Алкиноя, войны между «колхами и аргивянами» удалось избежать. Медея же стала супругой Ясона (*Hug. Fab.* 23)⁷. Другой миф рассказывает о похищении Тесеем Ариадны. Он увозит ее с Крита, однако, оставляет на острове Наксос, а в Афины возвращается один (*Hug. Fab.* 43). Не менее известным является миф о похищении Европы Зевсом. На поиски Европы Агенор отправил своих сыновей (*Hug. Fab.* 178). Похищенные героини становились обычно супругами их похитителей. В этих и других, сходных по сюжету, мифах подобное супружество рассматривалось как незаконное. Непременными участниками действия являлись боги и богини, которые поддерживали героев. Но и их участие не оправдывало похищения. Для того, чтобы супружество стало законным, конфликт необходимо было уладить договором между противниками. Следуя за изложением мифа о Троянской войне, Драконций ввел в поэму рассказ о похищении Гесионы. Хотя он и развивается в рамках уже упомянутой мифологической традиции: похищение – погоня – договор, однако имеет несколько особенностей, которые связаны с именем Париса-Александра. Рассказ о похищении Гесионы не является самостоятельным сюжетом. Участие в дипломатическом посольстве к царю Теламону дает возможность Парису приблизить известные события. Для Приама вызволение Гесионы является поводом, чтобы дать возможность Парису проявить себя: «добавить новую славу он жаждет / к почестям предков и вечную память в потомстве оставить / чтобы забыли его жизнь пастушкой» (стт. 215-217). Приам не ставит цель начать войну с правителем Саламина Теламоном: «Я не готовлю войну» (ст.223), но, идя навстречу Парису, он находит повод для того чтобы его сын смог отправиться в путь, т.к. праздным сидеть он не желает (ст.224). Таким образом, жажда деятельности – основной мотив поступков Париса-Александра. По настоянию Приама в этой миссии Париса сопровождают три опытных советника. Их участие позволяет избежать войны с Теламоном. И это в целом соответствует представлению Приама о том, что мир значительно лучше состояния войны (ст.223). Это также объясняет столь запоздалую попытку вернуть из плена Гесиону. Но в истории ее похищения есть некоторые отличия от уже упоминавшихся сюжетов. Гесиона была увезена из Трои в качестве трофея, «почетного дара» Геракла Теламону (*Apollod. Bibl.* II.6.4). В Теламоновом царстве, оказавшись на положении пленницы, она не имела права выбора, самостоятельного принятия решения. Отметим также, что миф повествует и о более ранней попытке похитить Елену. Еще до известных событий (бегство с Парисом) она была увезена Тесеем. Вслед за ними в погоню отправились Кастор и Полидевк, которые вернули Елену на родину, а мать Тесея Этру увели с собою в плен (*Apollod. Bibl.* III.10.7). Таким образом, в мифах похищение рассматривается в одном случае как незаконное действие, оскорблявшее достоинство рода и главы семьи, в другом – оно воспринимается как своеобразная компенсация за нанесенное оскорбление или оправдывается «правом войны» (*Drac. De raptu Hel.* 270). В той части поэмы, которая повествует об участии Гесионы, привлекают внимание тот факт, что Приам не имел представления о судьбе своей сестры. До прибытия на Саламин троянцам не было известно о замужестве Гесионы, о ее новом

⁷ Гигин. Мифы / Пер. с лат. Д.О. Торпилова; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб., 2000.

статусе и положении в Теламоновом царстве. Их требования воспринимаются Теламоном как оскорбление. «Возмущенный донельзя» (ст. 291), он подозревает прибывших послов Приама в злых намерениях и предупреждает, что «за коварство их рода» троянцам придется опять «пеню платить» (ст. 296, 297). Упрекает их в том, что послы готовы разрушить его брак и семью с Гесионой (ст. 306). В своей ответной речи Полидамант смог успокоить Теламона, и «оттаяло сердце царево» (ст. 327–350). Достижение мира было отпраздновано семидневным пиром. В этом фрагменте Драконций перерабатывает известную мифологическую традицию и все больше от нее удаляется⁸. Поскольку Гесиона на момент прибытия посольства по доброй воле находилась на Саламине, то вопрос о ее возвращении в Трою отпал. Кроме того, Приам должен был признать ее брак с Теламоном как свершившийся факт и предоставить ей приданое – «царства хоть часть одну» (ст. 313, 314). В результате возможность будущей войны оказалась несостоятельной, и послы смогли вернуться в Илион. Примечательно, что в качестве посла на Саламине Парис играет второстепенную роль. В центр же событий он возвращается после отплытия с Саламина. Драконций не случайно ввел в сюжет историю с посольством к Теламону. Оно, по замыслу автора, позволяет Парису оказаться вблизи Пелопоннеса и похитить Елену⁹. Однако Драконций вновь избегает традиционного для мифа развития событий, внося в них интригу. Он перемещает Елену из Спарты на Кипр, и, хотя в начале поэмы он и называет Париса поправшим право гостеприимства и тем самым оскорбившим Менелая (ст. 3–4), но все же своим пребыванием на острове он вряд ли мог оскорбить Менелая как гостеприимца. Прибытие Париса на Кипр – это результат отклонения корабля от курса. Герой оказывается не там, где рассчитывал, поэтому на Кипре он являлся случайным гостем, а его прием там был «внеплановым»¹⁰. Гостеприимцем на Кипре Драконций называет Елену (ст. 446) и переносит из Спарты на остров «дом Атрида» (ст. 449). В это время Менелай пребывал на Крите и не мог оказать «гостеприимного» приема путнику. Это функцию взяла на себя Елена. В соответствии со своими обязанностями гостеприимец должен был предложить гостю жилье, питание и гостевой подарок. Таким образом, прием, оказанный Еленой Парису, относится к «личному гостеприимству»¹¹. Упоминания об оскорблении, нанесенном Менелая, является данью эпической традиции. По мнению В. Шеттера, само по себе перемещение событий из одной области (территории) в другую не представляет собой уникальное явление, однако локализация событий именно на Кипре – единственный случай в литературно-мифологической традиции о Парисе и Елене¹².

В классическом варианте мифологического сюжета о Парисе и Елене встреча этих героев была предопределена волей богини, это был «любезный дар златой Афродиты» Парису (*Нот.* II. III.64). Киприда пообещала ему супружество Елены, объявив имя его будущей супруги. Он находит повод и отплывает в Спарту, где и происходит встреча с Еленой (*Apollod.* Epit. III.2). В поэме Драконция этот сюжет приобретает отличающуюся от традиции интерпретацию. Не упоминая отдельные события, например, спор богинь, позднелатинский автор смог избежать привычных смысловых связей в мифе, а сам мифологический сюжет превратил в самостоятельную поэму. В событиях поэмы нет зримого, «физического» присутствия Афродиты–Венеры. О том, что богиня будет оказывать ему помощь, мы узнаем из речи Приама, обращенной к Парису (ст. 227–228): «...Посетишь ты попутно дорийские царства / там же супругу тебе подыщет Венера...». Как уже упоминалось, главной целью путешествия Париса

⁸ Schetter W. Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges // *Hermes*. Vol. 115, No. 2 (2nd Qtr., 1987). P. 213.

⁹ Schetter W. Dares und Dracontius. P. 216.

¹⁰ Ковалев П.В. О статусе странников и гостеприимцев в архаическом греческом мире // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции*. М., 1998. С. 65.

¹¹ Колосовская Ю.К. Гостеприимство как право народов Древнего Рима // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. С. 53.

¹² Schetter W. Dares und Dracontius. P. 216.

является возвращение Гесионы. После выполнения поручения Приама, корабли Париса отправляются в обратный путь. Но «Африк меж тем налетел с разразившейся бурей вдобавок» (ст. 385) и разметал корабли троянцев, направив корабли Париса на восток. Таким образом, буря, которая, по словам Аполлодора, послана Герой вслед беглецам (Ерīt. III. 4), в поэме Драконция предшествует встрече Париса и Елены и гонит флот к Кипру (стт. 425-427): «... между тем, волна с удвоенной силой / грохотом все огласив, корабль сотрясает и гонит / в сторону прочь от других; так достигает он Кипра». Комментируя эти строки поэмы, В.Н. Ярхо предположил, что Драконцием Кипр выбран не случайно, так как в «Киприях» рассказывалось, что корабль Париса вместе с похищенной Еленой отнесло бурей к этому острову¹³. Переосмысливая эту часть сюжета, Драконций не связывает происхождение бури с волей Афродиты, тем самым, внося в события элемент непредсказуемости, так как Парис не знает, выживет ли он в этой буре и куда прибудет корабли (стт. 390-395, слл.): «... снова к несчастью волна накрывает суда еще выше / и повисает над ними, и жалкою гибелью море / им, наступая, грозит, предвещая кораблекрушение...». В поэме шторм имеет символическое значение, являясь важной составляющей частью повествования. Шторм пугает Париса, заставляет его произносить «слезообильные речи». Такое боязливое поведение противоположно поведению моряков в описаниях шторма в других поэмах. Шторм лишь символизирует грозящую опасность, является своеобразным предупреждением Парису, поэтому в столь сильную бурю обошлось без жертв¹⁴. Часть троянского флота ветром отнесло в Ионийское море, другую же – в Эгейское. Такой поворот событий позволил Драконцию освободить Париса от опеки «старцев», которые могли бы помешать его «безрассудным действиям»¹⁵.

Выбор Драконцием Кипра как основного места, где разворачиваются события – не только дань литературной традиции (*Ov. Her. XVI. 53-88, XVII. 117-124; Luc. Dial. d. XX; Apollod. Ерīt. III. 1-4*). Избрав Кипр в качестве места встречи своих героев, он выводит общеизвестный сюжет из традиционного повествования о Троянской войне. Основное символическое значение Кипра заключается в том, что это остров Афродиты. Хотя Афродита–Венера и не выступает явно, она не ведет открытого диалога с Парисом, но нет сомнения в том, что она присутствует. Парис попадает на остров в тот момент, когда справляется священный праздник в честь Дионы (стт. 435-437): «В день этот праздновал Кипр как раз рожденье Дионы, / и на алтарь возложить Цитерее свои приношенья / все, что на Кипре живет, торопилось...».

«Диона» – это одно из имен Афродиты¹⁶. Сходное Драконциеву описание праздника рождения Афродиты–Венеры мы находим также и у Овидия. Этот праздник широко справлялся по всему Кипру, а также и за его пределами. Центром его становились алтари «с золотыми крутыми рогами» (*Ov. Met. X.270-272*). Драконций использует здесь один из часто встречающихся эпитетов Афродиты – «Цитера», по названию острова Кифера, где находился древнейший и «самый священный», по выражению Павсания (III.23.1), храм Афродиты. В античной мифологии у Афродиты две «авторитетные генеалогии», давшие начало представлению о двух Афродитах, и соответственно о любви земной и любви небесной, которые противопоставлены друг другу¹⁷. Упоминание Кипра и эпитета «Цитера» в поэме свидетельствует о том, что речь идет об Афродите Урании (Небесной), именно в этом качестве она почиталась на острове¹⁸. Афродита Урания считалась охранительницей и покровительницей уз брака, поэтому в поэме Драконция, не будучи союзницей Париса, она предупреждает о

¹³ См. примечание В.Н. Ярхо 317 к поэме Драконция «Похищение Елены». С. 140.

¹⁴ Simons R. Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 186. Leipzig, 2005. S. 263.

¹⁵ См. примечание 319.

¹⁶ Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002. С. 126.

¹⁷ Рабинович Е.Г. Мифотворчество классической древности: *Nummi Homericī*. Мифологические очерки. СПб., 2007. С. 310-311.

¹⁸ Указ. соч. С. 323.

неминуемых тяжелых последствиях его поступка (стт 453-460): «В это же время над берегом, воды реки презирая, / белые лебеди носятся; все замечают голубок, / в воздухе взад и вперед привольно порхающих; коршун / гонится алчный им вслед, настигая в быстром полете, / клетотом громким своим птиц безобидных тревожит; / хищник крылатый бедой угрожает, над ними летая». Лебеди и голуби – символы Афродиты. Появление голубей предвещало Парису свадьбу с прекрасной женщиной, лебедь указывал на то, что она является потомком Юпитера. Коршун вторгается и нарушает легкое и беззаботное порхание птиц, что воспринимается предвозвестием беды (ст. 469: «...война тебе страшная будет приданым!»). Хищные птицы считались врагами голубя и лебедя, связанными с представлениями о супружеской верности и мире. Коршун связан с богом преисподней, а ястреб – птица Марса, что указывало на будущую многолетнюю войну и гибель многих. Но хищные птицы не убивают голубей, а только грозят им опасностью, что является еще одним предупреждением Парису¹⁹. У Драконция Парис отвергает эти неблагоприятные предзнаменования, что не свойственно мифологической традиции и является для нее новшеством²⁰. Только вступая в храм Венеры, Парис обращается к богине, для того, чтобы она помогла ему (стт. 470-480).

Необычен и сам образ Елены. Однако Драконция нельзя считать новатором в трактовке образа Елены. Наряду с общеизвестной гомеровской версией существовало, например, представление о Елене как богине или демоне, рожденном самим Зевсом от Немесиды, что исключало «всякую авантюру со стороны Париса»²¹. В классическом варианте мифа Афродита дала Парису клятву в том, что Елена без памяти влюбится в него (*Hug. Fab. 92; Ov. Her. XVI. 149-152*). Автор привносит новое в сюжет: Елена активно проявляет себя, хотя Драконций и не отрицает до конца участие Афродиты (стт. 494-498): «...влюбилась в Париса Спартанка, / жарким Амура огнем охвачена, ибо давно уж / сыну крылатому мать, огненосному богу, велела / сердце Елены пронзить стрелой пылающей тайно». Елена приглашает Париса во дворец. Она поручает своим слугам от ее имени «гостеприимство ему предложить» (стт. 444-446), поддерживает с ним разговор, «хочет Париса речью своей обольстить» (стт. 503-505). Неожиданным в трактовке мифа Драконцием стали доводы Елены в пользу своего похищения²²: «Вот что нам судьбы велят, Юпитер к чему понуждает, / мне повелев быть женой двух супругов и ради второго, / кто бы влюбился в меня, Атрида покинуть при жизни, / смерти его не дождавшись» (стт. 535-539). Следовательно, Елена уговаривает Париса совершить бегство. Активность Елены не позволяет воспринимать ее как «пассивную жертву похитителя»²³. Заметив за собой погоню киприотов во главе с царем Менелаем, Парис предупреждает Спартанку о возможной их гибели. Но Елена, поторапливая Париса («..Что ты шаг замедляешь речами, милый мой царь?» стт. 551-552), настаивает на отъезде, и ее не пугает вероятность военного столкновения соперников, ведь в распоряжении Париса был флот троянцев. В отличие от общеизвестной версии сюжета, оба главных героя в поэме Драконция хорошо представляют последствия поступка. Возвращение кораблей Париса в Трою предвещало будущую войну (стт. 652-654): «Кровью троянской еще обернется приданое, смертью / эллинов обогатится в бегстве чрез лагерь дочь Леды...».

Отношение Драконция к Парису и Елене прослеживается, прежде всего, в оценке героев и их действий. Герои поэмы действуют не столько под влиянием богов, сколько полагаясь на свой собственный выбор. История Париса и Елены представляется позднеантичному автору преступным развратом, заслуживающим отщепенства (ст.655). Начиная поэму, Драконций заранее создает определенный образ Париса.

¹⁹ Simons R. Op. cit. S. 265-267.

²⁰ Ярхо В.Н. Античный миф на пороге Средневековья: поэмы Драконция // Драконций. Мифологические поэмы. С. 31.

²¹ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 33.

²² Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 31.

²³ Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 32.

Негативно оценивая его, автор превращает героя в отрицательного персонажа: Парис – «вор троянский», «пастух, предпринявший преступное дерзновенье» (стт. 1-2). Заметим, что Драконций не раз подчеркнул, что Парис – это пастух. Упоминание о «низком социальном статусе» появляется в поэме не случайно. Драконций осуждал безудержное стремление Париса утвердиться в качестве царского сына, а также способности, которые он выбирал для этого. «Вредоносный Парис» (ст.30), по мысли Драконция, нарушил нормы морали, принятые в обществе: им были нарушены законы гостеприимства, он совершил прелюбодеяние и подверг сомнению незыблемость брачных уз. Драконций упомянул Энону, которую Парис считает «уродкой» (ст.63). Мотив страдания Эноны и осуждение действий Елены был известен автору и встречается, например, в «Героидах» у Овидия (V. 60-76). Еще одно литературно-мифологическое пересечение в поэмах Овидия и Драконция касается порицания Париса за то, что пастушеская жизнь кажется ему простой и недостойной его (стт. 61-62, 66): «Стадо Парис не взлюбил, ему надоели деревни, / хижины, рощи, луга, источники, реки, свирели... / Он пастбища грязью считает...». Елена же осуждается Драконцием за свое непостоянство и стремление к богатству (стт. 535-540).

Наряду с традицией осуждения Елены стоит упомянуть и традицию ее оправдания. «Елена представлена Гомером слабою, но не низкою женщиною; в молодости она поддалась прельщению сладострастия, но природное благородство ее души привело ее к раскаянию и разуму», – так писал об этой героине Фридрих Любкер²⁴. Действительно, процесс оправдания Елены начался вскоре после письменной фиксации эпосов Гомера (VIII в.). По преданию, лирический поэт рубежа VII-VI вв. Стесихор лишился зрения после того, как в своем стихотворении осудил Елену как виновницу Троянской войны; после того как Елена явилась к нему во сне, он сочинил «Палинодию» (опровержение), в которой говорилось, что в Трою был увезен лишь призрак Елены; после этого Стесихор прозрел (*Pl. Phdr. 243a-b, Resp. 586c*)²⁵.

Совершенно по-новому взглянул на судьбу Елены Геродот. Елена и Парис (Александр) оказываются в Египте. Египтяне посчитали Александра преступником, соблаздившим жену своего гостеприимца и вместе с ней укравшим сокровища. Чужеземцев для суда приводят к Протею, в Мемфис. Царь оглашает свое решение: Парису и его спутникам велено в течение трех дней покинуть страну, Елена с богатствами остается ожидать законного супруга. Менелай после взятия Илиона появляется в Египте и получает из рук Протея свое имущество и жену (*Herod. II.112-120*). Иначе говоря, Елена играет пассивную роль жертвы коварного соблазнителя.

В ином ракурсе видит историю Елены драматург Еврипид. Первый раз к легенде о Елене он обращается в трагедии «Троянки» (415 г. до н.э.). После разгрома Трои виновница войны, представшая перед Менелаем, побеждена в споре с Гекубой и приговорена к смерти через побитие камнями (*Eur. Tro. 1039*). Ее казни мы не видим, она отложена до возвращения в Грецию (*Eur. Tro. 1055-1059*). Елена предстает как несчастная жертва чужой воли, людской и божественной (*Eur. Tro. 911-965*). Мотив оправдания человека и связанное с ним несовершенство олимпийцев особенно ярко проявились в высказывании латинского автора начала IV в. Арнобия: «Елена была похищена под руководством и по поощрению богов» (*Arn. Adv. nat. I.5. Пер. Н.М. Дроздова*). Второй раз мы видим Елену в круговороте невероятных приключе-

²⁴ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. В 3 т. Т. 2. С. 97. Андре Боннар так начинает свою характеристику Елены, которую можно представить как своеобразный оправдательный вердикт: «Она остается нравственно чистой в сравнении со своим безнравственным любовником, она борется со страстью, внушаемой ей Афродитой, и желала бы отказаться от наслаждения, которое та заставляет ее разделять... Моральная чистота Елены побуждает ее возмутиться против богини» (Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1 / Пер. с франц. О.В. Волкова. М., 1992. С. 60).

²⁵ О Стесихоре см.: Стесихор. Фрагменты / Пер., ст. и прим. Н.Н. Казанского под ред. М.Л. Гаспарова // ВДИ. 1985. № 2. С. 217-237 (о Елене – с. 228-232); Зайков А.В. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 12-14.

ний, описанных Еврипидом через три года после «Троянок» (412 г. до н.э.) в пьесе «Елена». Согласно возрожденной версии, идущей от Стесихора²⁶, Парис увез в Троию призрак спартанской царицы, сотворенный Герою, а подлинная Елена, сохранявшая верность мужу, была перенесена Гермесом в Египет к царю Протею (*Eur. Hel. 33-64*). Из-под Трои Менелай возвращается с призраком Елены. Он попадает в результате кораблекрушения в Египет, где призрак исчезает, а Менелай встречает подлинную Елену, чьей руки домогается сын Протея, Феоклимен, ставший царем после смерти отца (*Eur. Hel. 400-624*). Героиня с помощью пророчицы Феони, сестры царя, обманывает бдительность Феоклимена и вместе с Менелаем спасается бегством (*Eur. Hel. 820-1450*)²⁷.

По мнению Исократы, именно благодаря Елене эллины смогли прийти к согласию и предприняли совместный поход на варваров (*Isoc. X.67*; ср. *Thuc. I.8.3-9.1*). Дион Хрисостом недоумевал по поводу того, что Елена, считаясь дочерью Зевса, ославлена между эллинов несправедливой молвою за бесстыдство (*Dio Chrys. Or. XVIII.14*). В таком же духе говорит и Елена у Феодекта: «Меня, с обеих сторон происходящую от божественных предков, кто решился бы назвать рабыней?» (*Arist. Pol. 1255a35*)²⁸. В повести вымышленного автора Дарета Фригийского (V-VI вв.) подчеркивается прямодушие и приветливость лаконянки (*Daretis Phrygii. De excidio XII*).

Таким образом, в греко-римский период сложилось, по меньшей мере, два направления в трактовке образов Париса и Елены. Драконций принадлежал к тем авторам, которые увидели в поступке Елены и Париса не проявление воли богов, а попрание устоев общества. Подобная интерпретация мифа стала результатом синкретизма двух идеологий, систем мировоззрения языческого и мировоззрения христианского. В поэме позднеантичного автора ясно заметна нравственная оценка действий героев. Драконций адаптирует сюжет о похищении Елены к представлениям современного ему общества. Идеи трансформации известных образов он черпал из классической греко-римской литературы. Создавая поэму, Драконций комбинировал сюжеты, примыкавшие к общему контексту поэмы. Для того, чтобы сделать поэму более привлекательной для современников – а она была адресована, прежде всего, не германцам-вандалам, а римской части карфагенского общества – он использовал прием замещения одних понятий другими²⁹. Преобразив фабулу мифа, Драконций

²⁶ Круазе А. и М. История греческой литературы / Пер. с фр. В.С. Елисеевой. СПб., 2008. С. 245.

²⁷ См.: Толстой И.И. Трагедия Еврипида «Елена» и начало греческого романа // Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.,-Л., 1966. С.115-127; Борухович В.Г. Египет в классической греческой трагедии // АМА. Вып. 2. 1974. С. 30-31.

²⁸ О божественном почитании Елены см.: Хаксли Дж. Л. Геродот о мифе и политике в ранней Спарте / Пер. с англ. А.В. Колобова // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1994. С. 56-57.

²⁹ Драконций оставил нам несколько стихотворных сочинений, в которых мифологические сюжеты, почерпнутые из греческой традиции, соседствуют с чисто римскими реалиями. Мы можем насчитать порядка двух десятков модернизмов, отражающих различные стороны жизни Римской империи. Впрочем, ко времени Драконция некоторые из них превратились в анахронизмы, что не меняет их суть по отношению к героям Эллады. Первая категория модернизмов – это упоминания, касающиеся римских военных институтов. В частности, Драконций, констатируя возвращение Агамемнона домой «после двух лустров», пишет о справленных им триумфах (*Drac. Or. 25*). «Храмы триумфов» предстают и в речи Дорилая к Оресту, сыну убитого Агамемнона (*Drac. Or. 648*). Четыре раза мы встречаем «когорты» (*Drac. Or. 813*; *Med. 578*; *Hel. 549, 602*). Один раз появляется «турма» (*Drac. Ach. 69*). Троянские послы – легаты (*Drac. Hel. 398*) отплывают с острова Саламин на либурнах (*Drac. Hel. 386*), широко использовавшихся во времена Августа. Вторая категория модернизмов – это упоминания, относящиеся к немногочисленным аспектам религиозной практики и общественной жизни. Медея в исполнении своей мести молится солнечному богу Митре (*Drac. Med. 538*), культ которого был широко распространен в поздней Империи. Парис обращается к авгуру (*Drac. Hel. 477*). Его брак с Еленой должен сопровождаться фесценнинами, римскими обрядовыми песнями, но вместо этого «войною рожок угрожает» (*Drac. Hel. 644*). Изменница Клитемestra с оттенком сарказма названа матроной (*Drac. Or. 770*), а ее любовник Эгист – хозяином лупанара (*Drac. Or. 650*). Третья, самая яркая, категория модернизмов – это элементы римского права. Оресту, доставленному на суд афинян, грозит «смерть в мешке» (*Drac. Or. 906*), которая по римским законам была предусмотрена для виновных в убийстве родителей (*Dig. XLVIII.9.9*). Брачный договор, принятый в римском семейном праве, заключается между Язоном и Главкой (*Drac. Med. 479*),

создал из него литературное произведение, отражавшее представления о границах допустимого в действиях человека.

MYTHOLOGICAL PLOTS IN DRAGONTIUS' POEM «THE ABDUCTION OF ELENA»

E.N. VELIKANOVA
E.S. DANILOV

Yaroslavl State University
n.a. P.G. Demidov

e-mail: velikanova05@mail.ru

e-mail: corax@76.ru

The article contains an analysis of the poem «The Abduction of Elena» authored by Dragontius, a writer of the late antiquity. A transformation of mythological plots about Elena of Troy is shown. Dragontius' attitude to his heroes, Elena and Paris, is traced. The tradition of the justification of Elena from Stesichorus to Dares Phrygius is specially marked out. The authors of the article draw a conclusion about the belonging of Dragontius to writers who was of opinion that Elena's and Paris' action had not been a demonstration of will of the gods, but violation of foundations of society.

Key words: Carthago, Dragontius, Euripides, Herodotus, mythological tradition, Elena of Troy, Paris, Aphrodite.

связывает Теламона и Гесиону (Drac. Hel. 306). Эак, один из трех судей в подземном царстве, назван юридическим термином quaesitor (Drac. Ach. 36), обозначающим председателя постоянной следственной комиссии. Чуть ниже он уже – цензор (Drac. Ach. 120). Парис играет по воле трех богинь роль претора (Drac. Hel. 31).